

Клабунд (1890–1928)

Умиравший солдат

Дня и ночи больше нет. Они исчезли, будто парусники за горизонтом. Я позабыл о дне и ночи. О солнце и серых сумеречных воронах. О земле и круге колеса фортуны. Мы шагаем. Мы шагаем днем. Мы шагаем ночью. Мы спим ночью. Мы спим днем. Мы стреляем днем и ночью. Когда я оборачиваюсь, перед лицом розово-черной стеной стоит время. Нет дня. Нет ночи. Нет месяца. Нет года. Лишь кровоточащее поле, кроваво-красная земля, а из нее, словно белые цветы, тянутся к небу наши тела. Небо росой окропляет мне глаза. Я бы хотел вечно цвести. Тонкой лилией. Ирисом. Я никогда еще не был так уверен в себе. Если я подниму руку, то остановлю снаряд на лету. Мне хочется пить. Воды. Огня. Мне хочется проглотить огонь, как это делают факиры. Мой конь погиб. Наверное, лежит где-то рядом или подо мной. Как же мне дальше скакать? Поскачу на мертвом англичанине в ад. Но Лилли этого не хочет. Она берет меня за руку, ведь я ослеп, и отправляется вместе со мной искать рай. Лилли, говорю я, здесь пахнет фиалками, вот он, рай. Она отпускает меня. Я больше ее не вижу. Передо мной еще одна рука. Светящаяся рука. В пятнах копоти. Она хватается за дом, покрытый дранкой. Тут же рука превращается в рот. Она пожирает дом. Жует его. Знал бы вахтмистр, что я тут валяюсь без дела, пока он делает переключку. «Улан Бубенройтер!» – выкрикнет он. «Улан Бубенройтер?..» Никто не отзовется. «Улан Бубенройтер отсутствует...» Я чувствую жажду. Мне хочется чего-нибудь попить. Горячего. Мне холодно. Горячего чая. Как не засмеяться, вспоминая польских евреев, вечно предлагавших нам чай. «Дай монетку, господин, получай горячий чай». У них нет родины. Ни у кого нет родины. Только у смерти. Она везде как дома. Где тот городок, в котором я родился? Узкие улочки изгибаются и кривятся от старости. Девочки катаются на коньках. Жители с важным видом торопятся по магазинам, на собрания или в кабак. Подо льдинами шуршит Одер. В лучах зимнего солнца

отсвечивает фиолетовым и зеленым патина на колокольне Мариенкирхе.
Наверное, кто-то умер: служитель звонит в колокола. Мне хочется помахать
ему копьем. Быть может, он меня увидит.

1914